

Арктика и Север. 2023. № 52. С. 136–152.

Научная статья

УДК 327.82(98+99)(045)

doi: 10.37482/issn2221-2698.2023.52.136

Научная дипломатия в Арктике и Антарктике

Коньшев Валерий Николаевич^{1✉}, доктор политических наук, профессор

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, Россия

¹ konyshhev06@mail.ru ✉, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7257-6848>

Аннотация. В статье изучается феномен научной дипломатии применительно к Арктике и Антарктике. Эти два полярных региона сближает особая значимость международной научной деятельности и основанной на ней научной дипломатии. Научная дипломатия понимается как своеобразный синтез научной и политико-дипломатической деятельности, в которой могут принимать участие государственные и негосударственные акторы. Условия для научной дипломатии в Арктике и Антарктике весьма различны, что связано с историей освоения, правовым статусом и сложившейся практикой международных отношений в этих регионах. Автор рассматривает проблемы, с которыми сталкивается международная научная деятельность и научная дипломатия в двух регионах. Показано, что в Арктике и Антарктике научная дипломатия как политический инструмент объективно востребована и не может быть «отменена» в силу политической конъюнктуры. В современной ситуации научная дипломатия может помочь в деэскалации конфликта в отношениях России и Запада. В то же время научная дипломатия не является панацеей для создания международных отношений на принципах мира и сотрудничества. Как и всякий политический инструмент, она защищает национальные интересы, а не только служит решению глобальных проблем, возникающих в Арктике и Антарктике.

Ключевые слова: Арктика, Антарктика, научная дипломатия, международное научное сотрудничество, международные отношения

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-01287.

Science Diplomacy in the Arctic and Antarctic

Valeriy N. Konyshhev^{1✉}, Dr. Sci. (Polit.), Professor

¹ Saint Petersburg State University, Universitetskaya nab. 7/9, Saint Petersburg, Russia

¹ konyshhev06@mail.ru ✉, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7257-6848>

Abstract. The article studies the phenomenon of science diplomacy with regard to the Arctic and Antarctic. These two polar regions are similar because of high importance of international scientific activity and science diplomacy based on it. Science diplomacy is understood as a kind of synthesis of scientific and political-diplomatic activities, in which state and non-state actors can take part. The conditions for science diplomacy in the Arctic and Antarctic are very different due to the history of development, legal status and established practice of international relations in these regions. The challenges faced by international scientific activity and science diplomacy in the two regions are considered. It is shown that in the Arctic and Ant-

* © Коньшев В.Н., 2023

Для цитирования: Коньшев В.Н. Научная дипломатия в Арктике и Антарктике // Арктика и Север. 2023. № 52. С. 136–152. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.52.136

For citation: Konyshhev V.N. Science Diplomacy in the Arctic and Antarctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 52, pp. 136–152. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.52.136

arctic, science diplomacy as a political tool is objectively in demand and cannot be “cancelled” due to the political context. In the current situation, science diplomacy can contribute to de-escalation of the conflict in relations between Russia and the West. At the same time, science diplomacy is not a panacea for creating international relations based on the principles of peace and cooperation. Like any political instrument, it protects national interests and not only serves to solve global problems arising in the Arctic and Antarctic.

Keywords: *Arctic, Antarctic, science diplomacy, international scientific cooperation, international relations*

Введение

В современном мире понятие научной дипломатии привлекает многих учёных и политиков. Это связано с тем, что тренды глобального развития «сужают» все известные пространства взаимодействия государств. С одной стороны, обостряется конкуренция за контроль сухопутных территорий, воздушных, водных и кибернетических пространств, природных ресурсов, транспортных маршрутов, а с другой — становятся востребованными механизмы международного сотрудничества. Научная деятельность всё теснее вовлекается в политику в связи с тем, что время между научной идеей и производством продукции существенно сократилось, и наука стала частью производственного цикла. При этом влияние жизнедеятельности человека на природу имеет разрушительные последствия и с необходимостью требует научно обоснованных решений и технологий.

Особенно ярко указанная роль научной деятельности проявляется в двух полярных регионах: Арктике и Антарктике. Это связано с их особым статусом, так как международные договоры явным образом зафиксировали необходимость согласованной и научно обоснованной деятельности человека во всех сферах, прежде всего, в силу уникальности и уязвимости природно-экологических комплексов. Кроме того, ни одно государство не в силах в одиночку осуществить научные программы в полярной зоне хотя бы из-за необходимости обмена данными, получаемыми с огромных пространств.

Однако наука служит не только инструментом для получения новых знаний, но и основанием для иных видов совместной деятельности государств. Другими словами, наука прямо вовлечена в политические процессы, происходящие в двух полярных регионах. Этот феномен и получил название «научная дипломатия». В известном смысле международная политика в Антарктике (и до Украинского кризиса — в Арктике) служили примером для построения международных отношений, подчинённых идее мирного сосуществования [1, Yao J.; 2, Young O., Yang J., Zarogski A.]. Что же такое научная дипломатия, в чем её специфика в Арктике и Антарктике, каковы её проблемы и перспективы? Поискам ответов на данные вопросы и посвящена статья.

Что такое научная дипломатия

Понятие научной дипломатии до конца не устоялось ни в российском, ни в зарубежном научном дискурсе. В самом общем виде речь идёт о взаимодействии дипломатии и научной деятельности с целью оказания влияния на другие государства и общества. Многие исследователи считают научную дипломатию разновидностью публичной дипломатии [3,

Гутенёв М.Ю.]. Некоторые исследователи считают, что в России научная дипломатия как практика возникает начиная с 1996 г. [4, Рейнхардт Р.О.].

Основанием научной дипломатии служит международная научно-техническая деятельность, которая строится для взаимной выгоды участников. Научная дипломатия помогает выработать общие правила взаимодействия как в научной, так и в политической сфере, а также согласовывать интересы государств [5, Ильина И.Е., Маленко С.В., Васильева И.Н., Реброва Т.П., с. 15]. Однако участниками научной дипломатии могут выступать как государственные, так и негосударственные субъекты политики.

Принято выделять несколько возможных измерений научной дипломатии как симбиоза науки и дипломатии [6].

Во-первых, «наука внутри дипломатии», которая проявляется в консультировании государственных органов с целью помочь принять научно обоснованные решения. Со своей стороны, учёные тоже начинают лучше понимать механизмы принятия политических решений и могут точнее доводить до руководства общественную значимость научных проектов.

Во-вторых, «дипломатия для науки» означает, что по линии дипломатии оказывается поддержка научных исследований. Это особенно важно для глобальных проблем, например, для изучения последствий изменения климата.

В-третьих, «наука для дипломатии» означает, что научное сотрудничество способствует укреплению доверительных отношений в политической сфере. В особенности ярко этот феномен проявляется в деятельности научных конференций и форумов.

В содержательном плане научная дипломатия реализуется в рамках нескольких подходов. Конечно, едва ли следует говорить о них в чистом виде, скорее это аналитические конструкты, представляющие «идеальные типы».

Согласно «техническому» подходу, научная дипломатия представляет собой совокупность научных познавательных практик, которые организованы по сетевому принципу и объединяют учёных из разных стран и научных учреждений. Тогда научная дипломатия создаёт механизм международного научного сотрудничества, не имеющий политической основы [7]. В этом русле трактуется сотрудничество многочисленных научных групп в Арктике и Антарктике. «Техническое» понимание научной дипломатии превалирует среди учёных-«естественников», носит универсальный характер, но не отражает весь потенциал этого явления.

Второй подход подразумевает использование научной дипломатии как политического инструмента государства, относящегося к ресурсам «мягкой силы». В этом случае научное сотрудничество помогает создать привлекательный образ государства в глазах партнёров и укрепить его политический статус. Этот подход характерен для политики государств в Арктике и Антарктике, где научная деятельность имеет особенно высокий статус, а в ряде случаев является единственным способом политического самоутверждения государств.

Так, в основном за счёт развития научной деятельности и создания Полярного института статус наблюдателя в Арктическом Совете (АС) получила Швейцария [8, Тодоров А.А.]. В Антарктике быстрыми темпами наращивает своё политическое влияние КНР, доказывая свои неотъемлемые права не просто на присутствие, но и на участие в управлении континентом. Для этого используется прежде всего инструмент научной дипломатии. Китай занимает первое место по финансированию научной деятельности, рассчитывая занять ведущие политические позиции [9].

В рамках третьего подхода научная дипломатия становится видом публичной дипломатии, подразумевающей вовлечение в механизмы влияния и государства, и негосударственных субъектов политики.

Использование научной дипломатии как части публичной сочетает в себе элементы двух предыдущих подходов и перекликается с практикой времён холодной войны, когда научная дипломатия использовалась для улучшения российско-американских отношений при общем низком уровне доверия и сотрудничества практически во всех других сферах. Именно тогда США и СССР была создана двусторонняя Комиссия по охране окружающей среды в Арктике, а ряд экспертов видят полезность данного подхода в условиях резкого ухудшения отношений Россия — Запад после начала Специальной военной операции на Украине в 2022 г. [7, с. 163].

Несмотря на очевидные преимущества, которые даёт научная дипломатия как инструмент сотрудничества, не стоит считать его неким абсолютным и универсальным благом. Как и всякий инструмент оказания влияния в сфере международных отношений, научная дипломатия обслуживает национальные интересы государств [3, с. 125–126]. В этом своём качестве она может нести деструктивный потенциал для международного сотрудничества, поскольку интересы государств совпадают далеко не во всем, даже в рамках имеющегося сотрудничества. В связи с этим показателен альтернативный взгляд на основные измерения научной дипломатии, противопоставленный более распространённому («наука в дипломатии», «наука для дипломатии», «дипломатия для науки»). В альтернативной интерпретации акцент сделан как раз на категорию интереса, связывая научную дипломатию с защитой национальных, трансграничных и глобальных интересов [10, Рогожина К.А., с. 394].

Сегодня применительно к Арктике концепт научной дипломатии отмечен в правительственных документах РФ¹. Важность этого направления сотрудничества подчёркивает Концепция внешней политики РФ 2023 г. В документе говорится, что в условиях дестабилизации международных отношений одним из инструментов политики РФ будет содействие научно обоснованному, неполитизированному международному сотрудничеству по гло-

¹ О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Указ Президента России № 642 от 1 декабря 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>; Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aadb5de45b3a58103046d70eabef2.Pdf> (дата обращения: 12.12.2022).

бальной повестке, включая такие сферы как охрана природы и изучение последствий изменения климата². Научная дипломатия является важным инструментом политики практически всех государств, вовлечённых в арктическую политику.

Среди международных документов ярким примером служит Соглашение об усилении международного арктического научного сотрудничества³. Этот документ предусматривает взаимные меры государств-подписантов по снятию различных бюрократических барьеров для международного сотрудничества, обмену научными данными и опытом, развитию образования, сотрудничеству арктических и неарктических государств. Соглашение не устанавливает каких-либо ограничений, а лишь закрепляет условия для самого широкого диалога с участием как государственных, так и негосударственных субъектов политики.

В Антарктике научная дипломатия как часть публичной дипломатии поддерживается всей Системой Договора об Антарктике, созданной вокруг Договора об Антарктике 1959 г. Последний заложил фундамент принципиального положения об обеспечении свободы научных исследований и поддержании международного сотрудничества, а также мер для наблюдения и проверки соблюдения этих требований. Несмотря на имеющиеся разногласия по правовым, политическим и экономическим вопросам, режим Антарктики длительное время обеспечивал модернизацию правовых норм в ответ на меняющиеся обстоятельства и вызовы, что предполагает достижение согласия и унификации подходов государств [11, Савенков А.Н., Редникова Т.В.].

В долгосрочной и глобальной перспективе востребованность научной дипломатии как инструмента сотрудничества в Арктике и Антарктике связана с необходимостью изучать как глобальные проблемы (изменение климата, сохранение окружающей среды, устойчивое развитие), так и фундаментальные научные вопросы о происхождении и эволюции планеты.

Условия для научной дипломатии в Арктике и Антарктике

Специфика научной дипломатии в полярных регионах связана с историей их освоения, экономико-географическими условиями, сложившимся международно-правовым статусом и практикой взаимодействия государств.

В экономико-географическом плане Арктика представляет собой в основном водные пространства, покрытые льдом. Минеральные ресурсы находятся на шельфе, а также на сухопутной территории, которая имеет национальную принадлежность. В отличие от Антарктики, экономическое освоение Арктики уже началось, поскольку часть её пространств является суверенной частью прибрежных государств. Добыча биоресурсов в пределах исключительных экономических зон (ИЭЗ) регулируется национальным и частично международным

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/#sel=164:2:ijj,164:16:Wca> (дата обращения: 12.12.2022).

³ Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916> (дата обращения: 30.12.2022).

законодательством, а в центральной части Северного Ледовитого океана такая деятельность, за исключением научной, запрещена. Основой правового регулирования территориальных споров и экономической деятельности на шельфе является Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. В Арктике ведётся активная военная деятельность прибрежных государств, что накладывает определённые ограничения на международное сотрудничество.

В международном управлении арктической политикой ведущая роль принадлежит АС, где представлены прибрежные государства, имеющие права на экономическую деятельность в зонах своей юрисдикции, и государства-наблюдатели, не имеющие таких прав. В рамках АС ведётся координация международной научной деятельности. Последняя является единственным инструментом неарктических государств для усиления политического влияния в регионе.

Антарктика представляет собой материк Антарктиду, покрытый толщей льдов, с прилегающими морями. Минеральные ресурсы находятся как на самой Антарктиде, так и на дне прилегающих морей. В отличие от Арктики, экономическая деятельность на сухопутной части запрещена, а добыча биоресурсов в прилегающих морях ограничена. Правовой статус Антарктики обеспечивается не договорами под эгидой ООН, а специальной системой договоров. Основное соглашение, Договор об Антарктике 1959 г., не даёт права на суверенитет в Антарктиде ни одному государству и прямо запрещает экономическую и военную деятельность, разрешая только научные исследования и научное сотрудничество. Это привело к правовой коллизии между Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., из которой следует право на шельф, и запретом на суверенные права, согласно Договору об Антарктике 1959 г.

Ситуацию усложняет тот факт, что Договор об Антарктике 1959 г. лишь «замораживает» претензии на суверенные права, поскольку он не отменяет претензии государств на суверенитет в Антарктиде, заявленные до присоединения к Договору. Но Договор также не запрещает государствам заявлять суверенные права на Антарктиду. Такая двойственность документа (ни признает, ни отрицает суверенитет) закладывает неопределённость в трактовку суверенитета в рамках правового статуса Антарктики [12, Samraio D.]. Это означает, что по мере истощения природных запасов в глобальном масштабе будет поставлен вопрос о суверенитете в Антарктиде и разделе морских пространств. Уже запущены дискуссии и политические процессы в данном направлении.

Главным управляющим институтом в Антарктике являются Консультативные совещания, но право решающего голоса имеют только те государства, которые заслужили авторитет своими научными исследованиями. Наука стала инструментом политики ещё до подписания Договора об Антарктике 1959 г., когда в политической борьбе за будущий статус Антарктиды Великобритания, Чили и Аргентина указывали на научную несостоятельность аргументации Индии для снижения её политического влияния [1, Yao J., с. 1009].

Таким образом, в Антарктике научное сотрудничество является главной сферой деятельности государств, закреплённой законодательно, а экономическая и военная деятель-

ность запрещены, что создаёт наилучшие условия для научной дипломатии как инструмента политики государств. Более того, научная деятельность является единственным способом территориального присутствия на Антарктиде, создавая беспрецедентную ситуацию в терминах международного права. В то же время эта уникальность и потенциальные выгоды от экономического освоения могут привести к эрозии правового статуса Антарктики.

В случае же Арктики военная и экономическая деятельность ведётся давно, а развитие научного сотрудничества и рост влияния научной дипломатии стали результатом согласованной позиции прибрежных арктических государств, которую приняли другие участники арктической политики. За этим стоит объективная необходимость вовлечённости науки в политику для реализации концепции устойчивого развития региона и сохранения крайне уязвимой природной среды.

Востребованность научной дипломатии в Арктике и Антарктике связана с тем, что любая деятельность человека в отдалённых и суровых условиях требует разработки и внедрения уникальных наукоёмких технологий и огромных вложений средств, что не под силу какому-либо одному государству. Отсюда возникает необходимость международного научно-технического сотрудничества и возникающей на её основе научной дипломатии как механизма согласования.

Проблемы и перспективы научной дипломатии в Арктике и Антарктике

В Арктике научная дипломатия показала свою высокую эффективность, и её активно используют все участники арктической политики как необходимый компонент освоения и управления заполярными территориями. Хотя сам этот термин не обязательно присутствует в официальной риторике, деятельность, подпадающая под понятие научной дипломатии, есть в доктринальных документах, регулирующих арктическую политику многих государств⁴.

Научная дипломатия имеет особенную ценность для неарктических государств, которые не имеют прямых прав на освоение ресурсов арктического шельфа. Международное научное сотрудничество осуществляется наиболее авторитетной организацией по управлению Арктикой через рабочие группы АС. На основе рекомендаций рабочих групп по вопросам устойчивого развития и охраны окружающей среды, согласно правилу консенсуса, вырабатываются политические рекомендации для государств-членов совета. Под эгидой АС принято Соглашение об усилении международного арктического научного сотрудничества 2017 г., которое было призвано создать наиболее благоприятные условия для научного сотрудничества и научной дипломатии.

⁴ См., например арктические стратегии США и Великобритании: The National Strategy for the Arctic Region. October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (дата обращения: 25.12.2022); Looking North: the UK and the Arctic. The United Kingdom's Arctic Policy Framework. February 2023. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/looking-north-the-uk-and-the-arctic/looking-north-the-uk-and-the-arctic-the-united-kingdoms-arctic-policy-framework> (дата обращения: 12.03.2023).

Неарктические государства, которые хорошо владеют искусством «мягкой силы», значительно укрепили свои позиции в Арктике. Именно благодаря успехам в научной деятельности они добились того, чтобы получить статус наблюдателя в АС, а полноправные члены этого совета (США, Канада, Россия, Норвегия, Финляндия, Швеция, Дания) вынуждены считаться с ними при выработке политических решений. К ним относятся Япония, ФРГ, Великобритания, Франция, Швейцария. Но научная дипломатия как «мягкая сила» актуальна и для прибрежных арктических государств. В частности, российские эксперты считают, что в первую очередь благодаря научной дипломатии Россия может сохранить контроль над своими огромными полярными территориями [7, Гутенёв М.Ю., Сергунин А.А, с. 161–162].

В Арктике проблемы для развития научных исследований и научной дипломатии имеют свою специфику, связанную с интересами национальной безопасности. Пространственные ограничения на научную деятельность связаны с милитаризацией региона, в особенности это касается Арктической зоны Российской Федерации и американского штата Аляска. На Кольском полуострове находятся две трети ядерного арсенала РФ, здесь находится стратегическое командование «Север» и 14-й армейский корпус, ядро которого составляют две бригады. По северному побережью и на островных территориях расположены военно-воздушные базы, аэродромы, силы ПВО/ПРО и береговой охраны. В США на Аляске располагается инфраструктура НОРАД, обеспечивающей решения задач ПВО/ПРО вместе с радарными и военно-воздушными базами в Канаде и Гренландии. Вполне естественно, что доступ для научных исследований в этих частях Арктики закрыт. Подобные ограничения вводят и другие прибрежные арктические государства. Ссылаясь на соображения национальной безопасности, они ограничивают доступ не только к пространствам, но и к некоторым научным данным, от динамики таяния вечной мерзлоты до параметров загрязнения окружающей среды [13, Sergunin A., Shibata A., с. 49–50].

Национальная юрисдикция над арктическими пространствами порождает ещё одно препятствие для научной дипломатии — бюрократические процедуры, связанные с оформлением виз, разрешительными документами на проведение исследований иностранными учёными и организациями, вывоз образцов природных ресурсов. Эти процедуры могут затягиваться на несколько месяцев, особенно в случае обострения политических противоречий между государствами. Преодолеть указанные сложности помогает упоминавшееся Соглашение об усилении международного арктического научного сотрудничества 2017 г.⁵ Оно стимулирует государства на двусторонней основе создавать условия для обоюдовыгодного научного сотрудничества, никак не ограничивая национальное законодательство или интересы безопасности. Преимущество соглашения состоит в его открытости и гибкости, т. к. оно подразумевает взаимодействие государств с АС, международными общественными организациями, организациями коренных народов и неарктическими государствами.

⁵ Agreement on Enhancing International Arctic Scientific Cooperation. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/1916> (дата обращения: 01.02.2023).

В Арктике научная дипломатия государств тоже может приводить к обострению политических противоречий. Это связано в первую очередь с суверенными правами прибрежных государств. В Арктике подобные риски более характерны для отношений между арктическими и неарктическими государствами из-за различного правового статуса. Неарктические государства, не имея прямых прав на добычу ресурсов Арктики, могут повысить своё влияние лишь за счёт научной деятельности и научной дипломатии. Поэтому когда КНР в 2017 г. выступил с предложением построить постоянную научную станцию на территории Гренландии, это вызвало негативную реакцию Дании и США. США увидели за научной дипломатией политику по усилению экономического влияния КНР в Гренландии, а Дания опасалась, что Пекин, закрепившись, начнёт поддерживать движение Гренландии за автономию [14, Рыжова А.В., с. 181–182].

Обострение Украинского кризиса и начало Специальной военной операции в 2022 г. привело к резкому ухудшению отношений РФ и Запада. Произошёл эффект «перетекания» политической напряжённости в Арктику, которая до тех пор считалась зоной мира и сотрудничества. В результате по инициативе стран Запада научное сотрудничество с РФ в Арктике было практически парализовано по линии двусторонних проектов с арктическими государствами, а также большинства международных организаций, включая рабочие группы АС, Совет Баренцева Евроарктического региона, Международный арктический научный комитет, сетевой Университет Арктики, Европейскую комиссию [15, Kornhuber K., Vinke K., Bloom E.]. Был остановлен и процесс имплементации Соглашения об усилении международного арктического научного сотрудничества, который предполагает заключение двусторонних договоров. Данные шаги стран Запада носили искусственно политизированный характер, не отвечающий нормам международного права. С правовой точки зрения, деятельность Соглашения никак не ограничивается возникающим состоянием военного конфликта [13, Sergunin A., Shibata A., с. 73–75]. Поскольку на уровне государств возобновление совместной научной деятельности крайне затруднено, для научной дипломатии пока остаётся лишь узкая ниша — взаимодействие на уровне профессиональных научных организаций и отдельных научных групп или учёных.

Сворачивание научного сотрудничества с РФ вызвало неоднозначную реакцию на Западе, особенно среди представителей научных групп и организаций, вовлеченных в конкретные проекты международного сотрудничества в Арктике. Это касается проектов по изучению погоды, динамики таяния полярных льдов и вечной мерзлоты, закисления океана, загрязнения окружающей среды, морского биоразнообразия, последствий изменения климата. В сфере научной дипломатии проводится линия, что на изучение этих глобальных долгосрочных процессов, происходящих в Арктике, не должна влиять политическая конъюнктура, связанная с региональной проблемой безопасности [16, Bisen A.; 17, Konyshev V.]. Разрыв научного сотрудничества с РФ не отвечает интересам многих неарктических государств, в

числе которых Индия, КНР, Бразилия. Часть из них, такие как Япония и Республика Корея, присоединились к антироссийским санкциям под сильным давлением США.

В этих условиях на экспертном уровне обсуждаются условия возобновления деятельности рабочих групп АС и других организаций: с участием РФ, но при выполнении ей политических условий; формирование / преобразование организаций сотрудничества без участия РФ; создание новых организаций с участием РФ и неарктических государств, не присоединившихся к санкциям. Например, это вполне можно сделать на базе БРИКС. Свой вклад в восстановление сотрудничества с РФ в Арктике может внести и форум G-20, где западные страны не имеют подавляющего преимущества [18, Bisen A.]. Подобно тому, как это происходило в годы холодной войны, в современных международных отношениях научная дипломатия может стать «мостом» для возврата к политическому диалогу между Россией и Западом. Регионы Арктики и Антарктики в силу своей специфики могут стать теми местами, где начнётся «политическое потепление» на планете.

Хотя в Антарктике научная деятельность и охрана окружающей среды остаются главными приоритетами, что определяет высокий статус научной дипломатии, эксперты считают, что ситуация может измениться. Об этом говорят непрекращающиеся попытки выработать режим освоения ресурсов Антарктики под эгидой Консультативного совещания стран-участниц Договора об Антарктике 1959 г., либо с использованием площадки ООН.

Но даже существующий правовой режим Антарктики накопил изъяны, которые вызывают проблемы регулирования антарктической политики в части научных исследований. Вследствие настроений к «ревизии» режима Антарктики в сторону территориального раздела, а также эволюции системы международного права, начались обсуждения пространственных ограничений на проведение научных исследований. Поскольку в Конвенции по регулированию освоения минеральных ресурсов 1988 г. указывается, что в Антарктике есть шельф и глубоководные районы морского дна, возникает разночтение Договора об Антарктике 1959 г. Одни настаивают на полной свободе морских и материковых научных исследований. Другие, апеллируя к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., считают, что в ИЭЗ действует разрешительный режим для ведения исследований, согласно ст. 246 Конвенции. Например, Австралия считает, что только участники Договора об Антарктике 1959 г. пользуются свободой морских исследований в её ИЭЗ, хотя договор говорит о свободе исследований для всех государств [19, Гудев П.А., с. 49–50].

Аналогичная проблема назревает в перспективных исследованиях генетических ресурсов Антарктики. Дело в том, что биоресурсы Южного океана (особенно микроорганизмы) в силу своих особенностей считаются перспективным сырьём для различных отраслей промышленности. Тогда возникает вопрос, не имеющий пока решения с точки зрения его регулирования: как совместить сложившийся принцип свободы исследований, обмена генетическими данными и результатами исследований, с одной стороны, и изучение, добычу, патен-

тование технологий с целью извлечения частной коммерческой прибыли, с другой [19, Гудев П.А., с. 50–51].

Ещё одна проблема связана с тем, что не всегда можно отделить научную деятельность по изучению ресурсной базы Антарктики с ведением разведки запасов этих ресурсов, что уже порождает межгосударственные конфликты. С таким обвинением в адрес Китая выступает Австралия, в условном секторе которой находятся несколько китайских научных станций [9, Балакин В.И., с. 188–189]. Другая сторона проблемы возникает из соотношения национального и международного законодательства. В 1994 г. Великобритания приняла акт об Антарктике, в котором статья 6 запрещает разведку и добычу полезных ископаемых кроме случаев, когда разрешение даётся министром иностранных дел. Отсюда возникает лазейка для выполнения иных работ под видом научных [20, Ирхин И.В.].

Неоднозначная ситуация сложилась и вокруг практики создания морских охраняемых районов (МОР) в открытом море, находящихся под контролем Комиссии по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (АНТКОМ). Первым стал МОР в море Росса, учреждённый в 2016 г. Проблема возникает из-за того, что эти районы предлагается отдавать под контроль отдельных государств. Поэтому часть экспертов отстаивает критическую точку зрения, что создание МОР нарушает Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 89), т. к. по факту устанавливается суверенитет в открытом море.

Создание МОР также неоправданно из-за вводимых ограничений на рыболовство, что противоречит принципу АНТКОМ об экономически необходимом и «рациональном использовании» биоресурсов, соответствующему общепризнанной концепции устойчивого развития ООН (цель 14.7) [19, Гудев П.А., с. 54]. Позиция России, Японии и Китая, заинтересованных в рыболовстве, исходит из того, что дальнейшее введение МОР с тенденцией на полный запрет вылова рыбы не имеет научного обоснования и не соответствует принципу общедоступности ресурсов Арктики [21, Кухарев Н.Н., Зайцев А.К.]. Практика введения МОР уже привела к фактическому закрытию 70% рыбных промысловых участков [19, Гудев П.А., с. 54].

Однако и в этом случае есть прямо противоположное толкование связи концепции устойчивого развития ООН и создания МОР. Согласно этой точке зрения, смысл создания охраняемых районов соответствует цели сохранения биоразнообразия и защиты окружающей среды (цель 14.5). Сторонники МОР также считают, что вводимые ограничения на рыболовство сохраняют Антарктику как общее наследие человечества (global commons) [22, Brooks C., Crowder L., Osterblom H.]. Таким образом, противоположные точки зрения обращаются к разным подразделам одной и той же цели 14, названной в концепции устойчивого развития ООН.

Проблемы научной дипломатии как инструмента международного сотрудничества связаны с тем, что государства могут использовать её для достижения односторонней выгоды. Тогда национальные интересы не обязательно совпадают с механизмами и условиями международного сотрудничества. В таких случаях научная дипломатия выступает не в каче-

стве «мягкой силы», основанной на привлекательности для партнёров, а, например, как средство для подготовки к экономическому освоению Антарктики в интересах конкретного государства.

В качестве иллюстрации нередко приводится КНР, которая с начала 2000-х гг. начала быстро развивать антарктическую политику. Считается, что толчком послужили претензии Австралии на получение суверенных прав на почти половину территории Антарктиды. Кроме того, как и другие государства, Китай имел в виду и перспективу разработки полезных ископаемых. Некоторые эксперты считают, что напористая политика КНР направлена на подготовку наиболее выгодных позиций (овладение технологиями, получение знаний, выгодное расположение научно-исследовательских баз) к тому моменту, когда будет решён вопрос о режиме доступа к разнообразным ресурсам Антарктиды и прилегающих морей. Российские эксперты считают, что основная задача китайских научных центров состоит не в проведении научных исследований, а в разведке полезных ископаемых на шельфе и в глубоководных акваториях морей. Пока же идёт оснащение соответствующим оборудованием и накопление опыта [23, Комлева Н. А., с. 275–276].

Согласно оценкам экспертов, в настоящее время КНР уже занимает 3-е место по влиятельности после США и РФ и 5-е место по инвестициям в научные программы. Особенность позиции КНР состоит в том, что существующие ограничения на разработку ресурсов она считает временными, а доступ к ресурсам — своей первостепенной задачей. В то же время Договор 1959 г. Пекин расценивает позитивно, поскольку он выгоден для Китая, только начинающего свои научные исследования и заинтересованного в получении информации от государств, имеющих гораздо больше опыта [9, Балакин В.И.].

Другой вариант несовпадения национальных и глобальных интересов даёт пример Чили и Аргентины. Ведя активную научную дипломатию и сотрудничая в формате Юг — Юг с ЮАР и Австралией, они одновременно отстаивают свои суверенные права в Антарктике, причём доказывают, что это не противоречит Договору об Антарктике 1959 г. Для этого Чили и Аргентина апеллируют к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и считают, что не только моря Южного океана попадают в их ИЭЗ (с правом на разработку шельфа), но они ещё и имеют суверенные сектора на Антарктиде. Аргентина приняла закон, в котором сама закрепила за собой суверенитет в Антарктике, опираясь на решение Комиссии ООН по границам континентального шельфа [24, Дьякова Л.В.; 25, Андреев А.С.].

Негативное влияние на развитие научного сотрудничества оказала Специальная военная операция 2022 г. В этом смысле знаковым событием для Антарктического взаимодействия стало заседание Консультативного совещания в Берлине 23 мая — 2 июня 2022 г., когда украинская и американская делегации обвинили РФ в агрессивной политике и негативном влиянии на осуществление украинской антарктической деятельности, а затем демонстративно покинули заседание [26, Лукин В.В., с. 40]. Демарш носил сугубо политический характер, не имеющий никакого отношения к научному сотрудничеству Антарктике, чем и за-

нимается Консультативное совещание. Дальнейшее развитие этой тенденции может привести к расколу в Антарктике, где одним из полюсов окажутся КНР и РФ, что, по мнению западных экспертов, негативно отразится на международном научном сотрудничестве [27, Liu N.]. Эта идея противопоставления КНР и РФ всему остальному миру в качестве источника конфликтности будущих международных отношений уже введена в оборот применительно к Арктике. США на доктринальном уровне рассматривают сближение РФ и КНР в качестве военной угрозы, что закреплено в Национальной стратегии для Арктического региона, опубликованной в октябре 2022 г.⁶ Остается надеяться, что в демилитаризованной Антарктике уровень конфронтации не будет столь же заметным.

Оценивая общую эволюцию антарктической политики, В.В. Лукин отметил, что постепенно научная деятельность и основанное на ней международное сотрудничество отходят на второй план, уступая место проблемам охраны окружающей среды и климатических изменений. Хотя эти темы и важны сами по себе, на практике некоторые государства прикрывают ими защиту своих политических интересов [28, с. 112], используя пробелы международного права. В частности, концепция МОР в сочетании с Конвенцией по морскому праву 1982 г. используются для закрепления территориальных претензий вопреки их «заморозке» Договором 1959 г. Это стало возможным, потому что Договор, появившийся раньше упомянутой конвенции, не определил правовой статус южных морей [11, Савенков А.Н., Редникова Т.В., с. 13]. Подобные коллизии не новы для международного права (достаточно вспомнить статус Шпицбергена и прибрежных акваторий в Арктике), но их разрешение требует взаимного согласия сторон.

Заключение

Важность научной дипломатии как политического инструмента вызвана объективными обстоятельствами глобального развития. В этом смысле она не может быть «отменена» политическими решениями. Примеры Арктики и Антарктики лишь наиболее ярко показывают её возможности, проблемы и перспективы, которые могут быть учтены не только в интересах региональной политики, но и в более широком контексте глобального развития. В полярных регионах в силу специфических условий своеобразный синтез науки и дипломатии происходит быстрее, чем в других регионах мира.

Задачи, решаемые научной дипломатией в Арктике и Антарктике, довольно близки, а вот специфика проблем, с которыми она сталкивается, связана со статусом и историей освоения этих пространств. Если в Арктике научная деятельность и научная дипломатия идут за начавшимся хозяйственным и военным освоением, то в Антарктике они пока остаются на исключительных приоритетных позициях. Правда, нарастающий соблазн экономического освоения Антарктики в недалеком будущем, видимо, вызовет серьёзный пересмотр её пра-

⁶ The National Strategy for the Arctic Region. October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (дата обращения: 25.12.2022).

вового статуса, сопровождаемый «битвой суверенитетов». Возникает вопрос: насколько можно использовать опыт научной дипломатии Арктики в Антарктике и наоборот? Конечно, говорить о прямом переносе не всегда целесообразно из-за различия условий двух полярных регионов (правовых, институциональных, природно-географических, а также условий освоения).

При всех различиях в условиях использования научной дипломатии в Арктике и Антарктике, есть общая проблема, которая в конечном счёте упирается в понимание природы этого явления. Проблема состоит во внутреннем противоречии, заложенном в научной дипломатии: сосуществование национально-государственного и глобального измерения в целеполагании этой деятельности. Ничего неожиданного в этом нет, однако можно заметить, что в научной литературе о природе научной дипломатии данному аспекту уделено недостаточно внимания. Это порождает иллюзию о научной дипломатии как о некоем абсолютном благе с неременной перспективой международного сотрудничества. Но наука, вовлечённая в политику в качестве инструмента, вслед за ней приобретает неоднозначность, которую отражают множественность парадигм теории международных отношений: неореализм, неолиберализм и глобализм. Соответственно, научная дипломатия может рассматриваться и как инструмент защиты национальных интересов, и как путь к международному сотрудничеству, и как способ разрешения глобальных проблем.

Список источников

1. Yao J. An international hierarchy of science: conquest, cooperation, and the 1959 Antarctic treaty system // *European Journal of International Relations*. 2021. Vol. 27. No. 4. Pp. 995–1019. DOI: 10.1177/13540661211033889
2. Young O., Yang J., Zarogski A. The “New” Arctic as a zone of peaceful competition // *Polar Perspectives*. 2022. No. 11. 25 p.
3. Гутенёв М. Научная дипломатия как инструмент достижения внешнеполитических целей // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 6. С. 119–127. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-119-127
4. Райнхардт Р.О. Эволюция концептуальных основ российской научной дипломатии 1996–2016 годов // *Научный диалог*. 2020. № 3. С. 385–401. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-385-401
5. Ильина И.Е., Маленко С.В., Васильева И.Н., Реброва Т.П. Модель реализации научной дипломатии: зарубежный и российский опыт // *Управление наукой и наукометрия*. 2021. Т. 16. № 1. С. 10–46. DOI: 10.33873/2686-6706.2021.16-1.10-46
6. *New frontiers in science diplomacy: navigating the changing balance of power*. London: Royal Society, 2010. Report 02/10. 74 p.
7. Гутенёв М.Ю., Сергунин А.А. Арктическая научная дипломатия России: теория и практика // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2022. Т. 17. № 3. С. 155–174. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-06
8. Тодоров А.А. Интересы Швейцарии в Арктике // *Российская Арктика*. 2018. № 1. С. 4–7.
9. Балакин В.И. Продвижение Китая в Антарктиду в XXI веке // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2020. Т. 25. № 25. С. 184–197. DOI: 10/24411/2618-6888-2020-10011
10. Рогожина К.А. Научная дипломатия как объект исследований в современной политической науке // *Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука: Ежегодник 2020–2021*. Томск: Томский государственный университет, 2021. С. 373–398.

11. Савенков А.Н., Редникова Т.В. Антарктида вчера, сегодня, завтра: к 200-летию со дня открытия // Государство и право. 2020. № 7. С. 7–24. DOI: 10.31857/S102694520010704-5
12. Sampaio D. The Antarctic exception: how science and environmental protection provided alternative authority deployment and territoriality in Antarctica // Australian Journal of Maritime & Ocean Affairs. 2019. No. 11. Pp. 1–13. DOI: 10.1080/18366503.2019.1589899
13. Sergunin A., Shibata A. Implementing the 2017 Arctic Science Cooperation Agreement: Challenges and Opportunities as regards Russia and Japan // The Yearbook of Polar Law. 2023. Vol. 14. Pp. 45–75. DOI:10.1163/22116427_014010004
14. Рыжова А.В. Арктический вектор в отношениях Дании с США и Китаем // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 2 (65). С. 169–186. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_2_169
15. Kornhuber K., Vinke K., Bloom E. The disruption of Arctic exceptionalism: managing environmental change in light of Russian Aggression // DGAP Report № 2. Berlin: German Council on Foreign Relations, 2023. 19 p.
16. Bisen A. India's G20 Presidency: opportunity to resume engagement in the Arctic. Strategic security analysis. Issue 27, February 2023. Geneva: Geneva Center for Security Analysis, 2023. 14 p.
17. Konyshev V. Can the Arctic remain a region of international cooperation in the context of the Ukrainian crisis // Arctic Yearbook 2022: The Russian Arctic: Economics, Politics and Peoples. Iceland: Akureyri, 2022.
18. Bisen A. Melt this Arctic cold war // The Economic Times. March 18, 2023.
19. Гудев П.А. Морехозяйственные аспекты системы договора об Антарктике // Общественные науки и современность. 2022. № 2. С. 48–62. DOI: 10.31857/S0869049922020046
20. Ирхин И.В. Конституционный статус Британской антарктической территории // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6. С. 24–28. DOI: 10.12737/23461
21. Кухарев Н.Н., Зайцев А.К. Конвенция о сохранении морских живых ресурсов Антарктики и проблемы управления // Водные биоресурсы и среда обитания. 2018. Т. 1. № 2. С. 70–94. DOI: 10.47921/2619-1024_2018_1_2_70
22. Brooks C., Crowder L., Osterblom H., Strong A. Reaching consensus for conserving the global commons: the case of the Ross Sea, Antarctica // Conservation Letters. 2019. Vol. 13. No. 1. Pp. 1–10. DOI:10.1111/conl.12676
23. Комлева Н.А. Специфика циркумполярной экспансии современного Китая // Koinon. 2020. Т. 1. № 1–2. С. 269–280. DOI: 10.15826/koinon.2020.01.1–2.015
24. Дьякова Л.В. На перекрестке глобального и локального // Латинская Америка. 2022. № 6. С. 57–68. DOI: 10.31857/S0044748X0020409-8
25. Андреев А.С. Антарктида во внешней политике стран Латинской Америки // Латинская Америка. 2020. № 6. С. 82–94. DOI: 10.31857/S0044748X0009594-2
26. Лукин В.В. Россия и США в Антарктике: общие интересы и проекты // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 9. С. 23–42. DOI: 10.31857/S2686673022090024
27. Liu N. The geopolitical lessons from the Arctic to Antarctica // United Service. 2023. Vol. 4. No. 1. Pp. 12-15.
28. Лукин В.В. Предпосылки создания и современная роль Мадридского протокола в Системе Договора об Антарктике // Проблемы Арктики и Антарктики. 2017. № 2 (112). С. 96–112.

References

1. Yao J. An International Hierarchy of Science: Conquest, Cooperation, and the 1959 Antarctic Treaty System. *European Journal of International Relations*, 2021, vol. 27, no. 4, pp. 995–1019. DOI: 10.1177/135406612111033889
2. Young O., Yang J., Zarogski A. The “New” Arctic as a Zone of Peaceful Competition. *Polar Perspectives*, 2022, no. 11, 25 p.
3. Gutenev M. Nauchnaya diplomatiya kak instrument dostizheniya vneshnepoliticheskikh tseley [Science Diplomacy as a Tool for Achieving Foreign Policy Goals]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2021, vol. 65, no. 6, pp. 119–127. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-6-119-127

4. Reinhardt R.O. Evolyutsiya kontseptual'nykh osnov rossiyskoy nauchnoy diplomatii 1996–2016 godov [Evolution of the Conceptual Foundations of Russian Scientific Diplomacy 1996–2016]. *Nauchnyy dialog*, 2020, no. 3, pp. 385–401. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-385-401
5. Ilina I.E., Malenko S.V., Vasileva I.N., Rebrova T.P. Model' realizatsii nauchnoy diplomatii: zarubezhnyy i rossiyskiy opyt [The Application of the Science Diplomacy Model: The Russian and International Experience]. *Upravlenie nauкой i naukometriya* [Science Governance and Scientometrics], 2021, vol. 16, no. 1, pp. 10–46. DOI: 10.33873/2686-6706.2021.16-1.10-46
6. *New Frontiers in Science Diplomacy: Navigating the Changing Balance of Power*. London, Royal Society, 2010, 74 p.
7. Gutenev M.Yu., Sergunin A.A. Arkticheskaya nauchnaya diplomatiya Rossii: teoriya i praktika [Russia's Arctic Science Diplomacy: Theory and Practice]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika* [International Organisations Research Journal], 2022, vol. 17, no. 3, pp. 155–174. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-03-06
8. Todorov A.A. Interesy Shveysarii v Arktike [Interests of Switzerland in the Arctic]. *Rossiyskaya Arktika* [Russian Arctic], 2018, no. 1, pp. 4–7.
9. Balakin V.I. Prodvizhenie Kitaya v Antarktidu v XXI veke [China's Advancement to the Antarctic in the 21st Century]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], 2020, vol. 25, no. 25, pp. 184–197. DOI: 10/24411/2618-6888-2020-10011
10. Rogozhina K.A. Nauchnaya diplomatiya kak ob"ekt issledovaniy v sovremennoy politicheskoy nauke [Scientific Diplomacy as an Object of Research in Modern Political Science]. *Mozaichnoe pole mirovoy i rossiyskoy publichnoy politiki. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2020–2021* [Mosaic field of world and Russian public policy. Political Science: Yearbook 2020–2021]. Tomsk, Tomsk State University, 2021, pp. 373–398.
11. Savenkov A.N., Rednikova T.V. Antarktida vchera, segodnya, zavtra: k 200-letiyu so dnya otkrytiya [Antarctica Yesterday, Today, Tomorrow: To the 200th Anniversary of the Discovery]. *Gosudarstvo i parvo* [State and Law], 2020, no. 7, pp. 7–24. DOI: 10.31857/S102694520010704-5
12. Sampaio D. The Antarctic Exception: How Science and Environmental Protection Provided Alternative Authority Deployment and Territoriality in Antarctica. *Australian Journal of Maritime & Ocean Affairs*, 2019, no. 11, pp. 1–13. DOI: 10.1080/18366503.2019.1589899
13. Sergunin A., Shibata A. Implementing the 2017 Arctic Science Cooperation Agreement: Challenges and Opportunities as Regards Russia and Japan. *The Yearbook of Polar Law*, 2022, vol. 14, pp. 45–75. DOI:10.1163/22116427_014010004
14. Ryzhova A.V. Arkticheskiy vektor v otnosheniyakh Daniy s SShA i Kitaem [The Arctic Vector in Denmark's Relations with the USA and China]. *Problemy natsional'noy strategii* [National Strategy Issues], 2021, no. 2 (65), pp. 169–186. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_2_169
15. Kornhuber K., Vinke K., Bloom E. The Disruption of Arctic Exceptionalism: Managing Environmental Change In Light of Russian Aggression. *DGAP Report № 2, Berlin, German Council on Foreign Relations*, 2023, 19 p.
16. Bisen A. India's G20 Presidency: Opportunity to Resume Engagement in the Arctic. *Strategic Security Analysis*, 2023, iss. 27, 14 p.
17. Konyshov V. Can the Arctic Remain a Region of International Cooperation in the Context of the Ukrainian Crisis? In: *Arctic Yearbook 2022: The Russian Arctic: Economics, Politics and Peoples*. Iceland, Akureyri, 2022.
18. Bisen A. Melt This Arctic Cold War. *The Economic Times*, 18.03.2023.
19. Gudev P.A. Morekhozyaystvennyye aspekty sistemy dogovora ob Antarktike [Maritime Aspects of the Antarctic Treaty System]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2022, no. 2, pp. 48–62. DOI: 10.31857/S0869049922020046
20. Irkhin I.V. Konstitutsionnyy status Britanskoy antarkticheskoy territorii [The Constitutional Characteristics of the Status of the British Antarctic Territory as a Sector of Antarctica and the Subject of Partnership with the Kingdom of Great Britain and Northern Ireland]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2016, no. 6, pp. 24–28. DOI: 10.12737/23461

21. Kukharev N.N., Zaytsev A.K. Konventsiya o sokhranении morskikh zhivyykh resursov Antarktiki i problemy upravleniya [The Convention for the Conservation of Antarctic Marine Living Resources and Management Problems]. *Vodnye bioresursy i sreda obitaniya* [Aquatic Bioresources & Environment], 2018, vol. 1, no. 2, pp. 70–94. DOI: 10.47921/2619-1024_2018_1_2_70
22. Brooks C., Crowder L., Osterblom H., Strong A. Reaching Consensus for Conserving the Global Commons: The Case of the Ross Sea, Antarctica. *Conservation Letters*, 2019, vol. 13, no. 1, pp. 1–10. DOI:10.1111/conl.12676
23. Komleva N.A. Spetsifika tsirkumpolyarnoy ekspansii sovremennogo Kitaya [Specifics of the Circumpolar Expansion of the Modern China]. *Koinon*, 2020, vol. 1, no. 1–2, pp. 269–280. DOI:10.15826/koinon.2020.01.1–2.015
24. Diakova L.V. Na perekrestke global'nogo i lokal'nogo [At the Crossroads of Global and Local. Chile's Antarctic Policy at the Present Stage]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2022, no. 6, pp. 57–68. DOI: 10.31857/S0044748X0020409-8
25. Andreev A.S. Antarktida vo vneshney politike stran Latinskoй Ameriki [Antarctica in the Foreign Policy of Latin American Countries]. *Latinskaya Amerika* [Latin America], 2020, no. 6, pp. 82–94. DOI: 10.31857/S0044748X0009594-2
26. Lukin V.V. Rossiya i SShA v Antarktike: obshchie interesy i proekty [Russia and the USA in the Antarctic: Common Interests and Projects]. *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], 2022, no. 9, pp. 23–42. DOI: 10.31857/S2686673022090024
27. Liu N. The Geopolitical Lessons from the Arctic to Antarctica. *United Service*, 2023, vol. 4, no. 1, pp. 12-15.
28. Lukin V.V. Predposylki sozdaniya i sovremennaya rol' Madridskogo protokola v Sisteme Dogovora ob Antarktike [Preconditions of Creation and Current Role of Madrid Protocol in the Antarctic Treaty System]. *Problemy Arktiki i Antarktiki* [Arctic and Antarctic Research], 2017, no. 2 (112), pp. 96–112.

*Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 12.04.2023;
принята к публикации 13.04.2023*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов